

ОХОТА на Белорусском Полесье

Геннадий Рай

Геннадий Станиславович Рай

Охота на Белорусском Полесье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70361692

Охота на Белорусском Полесье:

ISBN 978-5-907802-13-1

Аннотация

«Охота на Белорусском Полесье» – это не просто книга, посвященная охоте. Ее автор – Геннадий Рай – охотник со стажем, восплававший страстью к охоте с самого детства и сохранивший ей верность по сей день. Вместе с ним читатель совершит настоящее путешествие по времени, станет свидетелем забавных и опасных, трогательных и познавательных историй, произошедших с автором, его близкими и друзьями. Книга наполнена искренностью, преданностью своему делу, безусловной любовью к родному краю.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

«Море Геродота» и гуси	8
Лёнька	18
Несколько слов о друзьях, которых уже нет	35
Переселенцы	47
Охотничьи байки	61
Золотой нос	68
Дядька Вася	74
Морской волк	80
Разве мудрость – порок?	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Геннадий Рай

Охота на

Белорусском Полесье

© Геннадий Рай, 2023

© Издательство BookBox, 2023

Рай Геннадий Станиславович, родился 15 июля 1955 года в деревне Хочень, Житковичского района, Гомельской области, Республика Беларусь. Окончил Мозырский педагогический государственный институт им. Н. К. Крупской (1977), Минский государственный педагогический институт им. А. М. Горького, факультет истории (1982), курсы политсостава в Минском ВВПОУ, с присвоением звания лейтенант (1990). Работал учителем истории и обществоведения в Сторожевецкой ВШ, инструктором отдела пропаганды и агитации, завотделом кабинета партийной и экономической учебы, первым заместителем председателя

Житковичского райисполкома, директором филиала Белмедфарм г. Житковичи, на различных должностях в иностранных предприятиях «Конвекс», «СВ Машины» г. Минска, Почетный член Белорусского Общества охотников и рыболовов. Теперь – пенсионер. Владелец усадьбы Хочень.

Автор книг прозы «Охотничьими тропами» (2017), «Последняя охота Барса» (2018), «Утиная охота» (2019), «Райские миры» (2012), более пятидесяти рассказов. Таких, как «Одинокий хутор», «Одинокая роза», «Молочница», «Лёнька» и других.

«Море Геродота» и гуси

Между двух высоких разлапистых деревьев по колено в воде стоял пожилой полешук. По его резиновым сапогам хлестал поток весенней воды. Ему казалось, раскинь руки – и сам поплывешь в далекие, сказочные края. Он стоял и думал. Мысли роем пчел гудели в голове: «Вот уже – Март! Вот они – Разливы! Вот оно – Половодье!» Древний историк Геродот в свое время посещал наш край; по его словам, он видел бескрайнее море на древней земле Полесья! Сегодня в музее Национального парка, что в г. Турове, на стене висит панорамное фото: на нем водные просторы, разлилась река Припять весной! Чем не разлив величавой реки Амазонки? Но это не так, это водные просторы Припяти: разливы и мощные столетние дубы на фото поражают своим величием. Дреговичи горды: за свою реку, за свою землю, за свою Родину!

Также в 2014 году нашего века река Припять все-таки разливается «Геродотовым морем», но уже закованная в дамбы река! От деревни Малешев до Ляскович все меньше становится лесных угодий, только лозы столетиями хранят свое место на заливных лугах, давая пристанище и убежище нашим братьям меньшим.

Вода! Жизнь! С рассвета темная, со светящей дорожкой поднимающегося с водной глади солнца, вода пугает своей силой и ласкает, завораживает взгляд. Величие природы берет права создателя, снова и снова, в свои руки. С рассветом на воде пробивается синева. Ветер! Рябь! Волны! Все усиливающийся западный ветер помогает течению на Припяти создать свирепые волны – бушует «Геродотово море»! Не каждый полешук сядет в лодку! Барашки! Возле берега сломанные остатки тростника, сухих сучьев и белая пена! Чем не море?

Кругом бурлит жизнь – сотни уток, куликов разных мастей крыльями буравят воздух и плавают на мелководье. Гуси! Потянул гуменник и серый гусь. За ним белолобый. И стая за стаей проносятся над Полесьем, будоража охотничий азарт местных и приезжих охотников. Все больше минчан спешат к нам в гости, тем более что есть где остановиться: Лосиный остров, Струмень, на притоке Припяти великолепный комплекс – гостевые домики европейского уровня с питанием. Другой раз думаю, что построены они немножко, самую малость, но благодаря и пролетному гусю!

Не об этом ли мечтал наш земляк, мой старый друг Румас Николай Филиппович? Царство ему Небесное! Полешук-политик, финансист, большой любитель природы, умный и отзывчивый человек, занимая очень солидную должность в Республике, всегда протягивал руку помощи землякам и не только – его многие идеи сегодня исполнены другими людьми. Но то, что и сегодня строится на моей Родине, – это он! Он – наша история!

Охота! Все готово к охоте: ружья и патроны есть, куплены чучела, манки, проверены резиновые лодка и сапоги, заготовлены колки и сухая трава, шпагат – все для маскировки шалаша. А также, что в основном и определяет успех охоты, рассмотрено место для установки шалаша. На пойме! Именно тут! Пролет гуся – его маршрут забит веками в «природный навигатор».

Быстрее! Шалаш стоит! И по неписанным правилам охотничьей этики другие охотники не могут поставить свой шалаш впереди, по ходу лёта птиц. Можно только в одну линию, но не менее 200 метров от соседнего шалаша. Хотя в практике охоты есть случаи, когда некоторые нерадивые охотники не прочь стать рядом, недалеко – без шалаша, без профилей птиц на земле. Случайно сбив гуся, бегут к соседнему шалашу: «Дайте лодку», забывая, что идет лет гусей и в любую секунду нужно самим плыть за подбитым гусем. Отказываем, и боль в сердце – надо было дать!

Лодка! Накачали, положили профиля, заготовленную ра-

нее сухую траву для ремонта шалаша, ружья и патроны, и один из нас, благодаря течению и попутному ветру, «с удобствами» добирается до места охоты. А мы шлепаем по воде, надев на голову фонарики, еще в потемках добираемся до шалаша. Вот проходим мелководе, вот две ветлы, вот и травяной бугор. Добрались!

Профиля. Пока одни ремонтируют шалаш, расставляем профиля гусей, обязательно головой к ветру. Время бежит незаметно. Уже слышны «переговоры» гусяного царства, из-за русла Припяти. Гуси готовятся лететь на кукурузные поля, что за нефтепроводом «Дружба» д. Вересницы. Вот и первые стаи, перекликаясь, широким фронтом, по примерному подсчету егерей – штук семьсот, набрали высоту. «Небо почернело», – шутят охотники. Кое-где звучат выстрелы.

Рассвет! Луна прячется на Западе, а красное солнце медленно выплывает с ночи на небосвод над Полесьем. Какая красота!

Первая стая налетает на шалаш. Звучат два выстрела Ивана. Первым сбит первый белолобый, вторым выбиты из стаи два гуся. Один удирает по воде. Бегу, догоняю, по воде, уже в пояс, думаю про себя: «Уже не мальчик», на последнем дыхании, словно пробежав тысячу метров с полной боевой амуницией, догоняю трофей. Стою на разливе, красота – свежий воздух раннего утра, отдышался и иду к шалашу. Его на фоне лозы совсем не видно. Только профиля четко выделяются на фоне желтой травы. В голове мысли – один человек гово-

рил нам, охотникам: «Голодные, гоняетесь за этим гусем». А нам его жалко – какой бедный человек, вроде все у него есть, а понять, что нам не только гусь нужен, он не может. Ведь древний инстинкт – вода, земля, небо, человек – нельзя убить техногенной цивилизацией с ее новыми продуктами. Наше занятие охотой – это не гусь, это древнее ремесло человека, его предков, пусть остатки! Но это хобби настоящих мужчин!

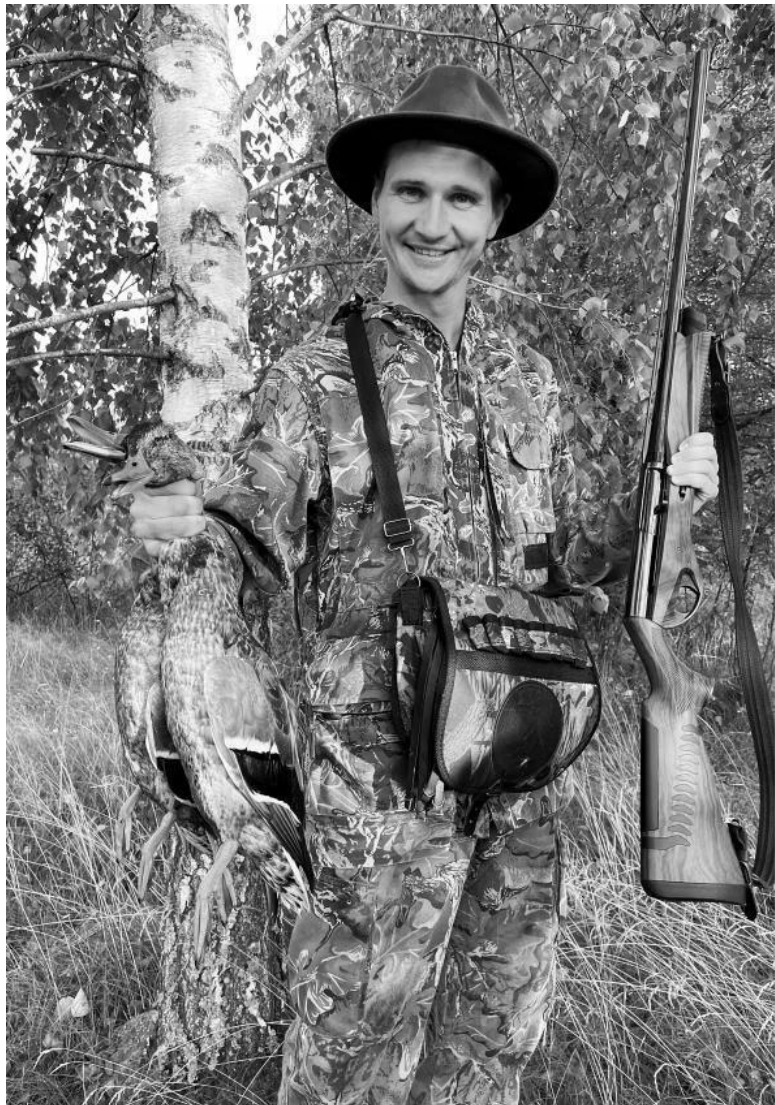
Выстрел! Последний сегодня. Один гусь сбит. Нам, аксакалам, не везло. Взял его мой сын Алексей. Но он упал на течении и дал деру в куст лозы. Несется Алёша на всех парах, на лодке, находит, но взять не может. А ружье? Вот она, молодость, забыл на берегу. Ветер и волна так бросает «резинку», что я беспокоюсь и не свожу глаз с молодого охотника. Вот он уже приплыл. Молча взял ружье и назад. Нашел гуся, ружье не использовал. Плышет назад, улыбается. Устраиваем фотосессию. Вот и еще один полешук стал настоящим мужчиной! Победил стихию, уступило ему белолобого гуся «Геродотово море». А воды несут время, вместе с ним уходят поколения, но Память вечна!

Полесье – мой край! Мой дед Захар – председатель первых колхозов; моя мама Вера – агроном, и ее ордена; мои дети – инженер и экономист. Прошлое и современное, пусть меняются поколения, будут краше люди, умнее и добрее, и кто его знает, где будет пролетать наш Гусь!

Поздняк Александр с гусем

Сын Алексей Рай с утками

Лёнька

Давно это было. Охотник был молод, полон сил. Даже в самые суровые снежные зимы шляхетский охотник в одиночку оставался ночевать в лесу.

Я часто его спрашивал:

– Скажи мне, брат, все-таки страшно одному в лесу ночевать-то?

Лёнька улыбался и отвечал мне:

– Да не страшнее, чем одному в пустом доме, с домовым одним жить.

Мой брат Лёнька при нашей новой встрече вдруг загадочно посмотрел на меня и еще раз улыбнулся:

– Это же матушка-охота! А там, в ее мире, обо всем забываешь. Только след найти по белой пороше. Да как зверя узреть и добыть! А погода не помеха. Ты же и сам знаешь, – ответил мне. – Снег да дождь. Или ночь да день – всегда с

нами, охотниками, рядом идут. А хочешь, брат, тебе расскажу одну быль, или одну историю, которую запомнил на всю жизнь? В тот роковой день моя охотничья тропа могла закончиться навсегда...

Его рассказ так впечатлил меня, что решил написать. А теперь – прочитайте! Для многих охотников эта история будет довольно поучительной – по крайней мере, так думаю сам.

Вместе с гончей сукой, выжловкой, натасканной по кунице, Лёнька тропил зверька по следу. Куница, петляя по лесу и болоту, завела охотника в самые дебри. След зверька порой терялся: куница часто шла верхом, только выжловка Плакса быстро находила ее. И охотник терпеливо тропил зверька целый короткий декабрьский день. И совсем незаметно мрачный день с нависшими над лесом тяжелыми тучами заканчивался густыми сумерками. Казалось, тяжелые тучи вот-вот упадут на голову. Парень понимал, что опять придется ночевать в лесу. Подумал про себя: «Не в первый и не в последний раз!» Пролез сквозь онемевшие от холода березовые молодняки и уже в полной темноте вышел на высокий лес-бор. Верейки! Эту местность Лёнька знал как пять своих пальцев. Плаксу держал на поводке. Кругом много следов косули и лежки в замерзшем вереске, так что отпускать ее нельзя.

– Умница, на, бери, подкрепись. – Он дал сухарик выжловке. – Какая же ты у меня молодец! Ай да Плакса! Все хорошо. Завтра ее возьмем, эту бестию, – похвалил выжловку

Лёнька.

Плакса задиристо твякнула, лизнув руку хозяину, закрутилась на месте, как бы выбирая место для ночлега. Легла на снег, положила голову на лапы и молча смотрела, как хозяин разводит в лесу костер. Охотник споро работал. Умело рубил, выбирая сухие сучья, подбрасывая их в разгорающийся огонь и оставляя часть на ночь. «Ох, и притомилась-то, моя хорошая собака. Рад, что очень хорошо работаешь, весь день», – подумал про свою выжловку Плаксу охотник Лёнька. Он тут же сбросил с плеч рюкзак с припасами да отточенным до зеркального блеска топором быстро срубил несколько невысоких елочек.

Не прошло и часа, как охотник сделал себе маленький, неприметный шалаш. Так делал не раз, оставаясь на ночлег в лесу. Подстелил лапник, с трех сторон шалаш подсыпал снегом, притоптал. Из сухой лучины, которую достал из рюкзака, натесал тонкой стружки, наломал вблизи сухостоя – и еще не особо разгоревшийся костер сразу же стал постепенно разгораться, набирать силу, освещая шалаш. Тепло костра согревало уставшие за день ноги охотника. Два смолистых корча, которые охотник нашел рядом, он бросил в огонь, и костер быстрее набрал силу, разгорелся. Лёнька снял верхнюю одежду, разулся. В шалаше было тепло и уютно. Так, в дреме, и прошла ночь.

Утро только разогнало темень леса, как он уже был на ногах. Быстро собрался. Парень отстегнул поводок с русской

гончей. Плакса стала резво крутить круги в поисках свежего следа куницы. Лёнька осмотрел ружье, зарядил и испытал уже не в первый раз какое-то похожее чувство ожидания и в чем-то не похожее на прежние чувства: волнующее ожидание встречи с куницей. Вдруг Плакса дала голос. Лёнька проломился «напрямки», через валежник, зашагал на голос и возле разлапистой, не очень высокой хвои увидел собаку. Та тихонько и без злобы несколько раз тьякнула, задрав голову на макушку сосны. «Здесь затаилась, – подумал он про себя, при этом очень внимательно осматривая веку за веткой. – Ага, вон ты где, хитрунья, вижу, вижу», – думал он, не сводя с куницы взгляда. А лесной пушистый зверек, мечта каждого охотника, распласталась на ветке сосны и внимательно рассматривала выжловку, не замечая охотника.

Словно издевалась над ней: «Тьявкой, тьявкой, ведь не достанешь!»

Охотник подошел незаметно, боясь наступить на сухую ветку. Тихонько поднял ружье и взял зверка на мушку. Тот же час грохнул резкий выстрел, пролетевший эхом по верхушкам соснового бора. И вот зверек летит вниз, сбивая с хвои труху и сухие иголки. Снежная пыль летела ей вслед. Плакса на секунду не сводит с нее глаз, норовя первой поймать трофей, но не успевает его схватить. Лёнька ловит зверька на лету, боясь, что выжловка попортит шкурку зверька.

– Умница, какая же ты у меня умница! – похвалил он со-

баку. – Отлично, так и дальше мне помогай, – сказал охотник, глядя по голове собаку, и подальше от греха спрятал трофей в заплечный мешок. Кусочек сахара с руки хозяина стал наградой выжловке. – Вперед, Плакса, ищи, будем тропить дальше, – сказал он.

Шляхетский охотник уже вышел на край болота и повернул к опушке леса. «Как раз к вечеру доберусь домой», – подумал он. Его уже манил запах свежее испеченного пирога да кружка молока с домашним медом. Но не тут-то было! План был сломан совсем не совсем плохой новостью, а скорее, хорошей.

– Ага, вот же, опять свежий след, – тихо сказал охотник, увидев свежий натиск зверька, – немного пройду, авось рядом где-то затаилась.

«Крупный «кот» прошел», – рассматривая след куницы, подумал про себя охотник. А хитрая куница то шла редколесьем, порой взбираясь на деревья, и след ее терялся, то опять давала след по снегу. Однако Плакса все хитрости зверька быстро распутывала, да и Лёнька по трухе, осыпавшейся из деревьев, шел правильно. Идя по следу, он осматривал гнезда белок, ворон. «Где-то здесь, а может, в дупле затаилась, на дневку желтодушка», – подумал он. Однако вдруг натиск следа на снегу совсем пропал! Парень испытал какое-то непонятное чувство радости. Он совсем не жалел, что куница его в этом преследовании победила: «Ну и ладно, пора домой, вечерет-то быстро». Однако Лёнька напоследок

науськивал Плаксу, вместе немного потоптались вокруг одинокой березы. До других деревьев было метров четыре, следа нет. «Не могла же ты мимо прошмыгнуть, – думал он о хитрой кунице. – И куда же ты делась, вроде и дупла-то не видно...» А выжловка тоже не проявляла интереса к березе. «Ага, что же тут не так... – подумал он. – Точно, обмануть нас хочешь». Охотничий азарт побеждал. Охотник уже не обращал никакого внимания на сумерки и напрочь забыл, что пора выходить из леса. День-то совсем короткий! Глядишь, опять на ночлег придется остаться. Не хотелось!

– Ищи ее, Плакса, ищи, где-то рядом затаилась, – науськивал Лёнька выжловку.

Он знал, что куница спокойно может перепрыгнуть метра четыре от одного дерева до других деревьев. Скоро выжловка дала голос. Удача! След куницы был обнаружен возле высокой и толстой осины. В метрах трех от земли сияло дупло. Выжловка принюхивалась к следам зверька, но голоса не дала. Лёнька тихонько поцарапал ствол осины. Никого! Тогда он сухой палкой грохнул по дереву. Крупный кот высунул голову из дупла, Плакса взвизгнула, завертелась, начала прыгать на дерево. Но выстрелить охотник не успел. Куница опять спряталась в дупле. Долго он грохотал дубиной по стволу сухой осины, прежде чем понял: «Нужно валить дерево!» Пошел снег, все с большей силой, крупные его хлопья облепили одежду охотника, застилали глаза, но сразу потеплело. Ретивая помощница, выжловка Плакса, прыгала на

осину, царапала ствол когтями, пыталась добраться до желтодушки.

– Отойди-ка, Плакса, от дерева, дай-ка мне попробовать куницу выкурить! – сказал охотник.

Лёнька достал топор из рюкзака и обухом сильно ударил осину. Сухое дерево загудело, словно колокол, вибрируя от удара. «Ага, так дерево-то пустотелое», – тут же сообразил парень. Поступил по-другому. Теперь он острием топора ударил несколько раз по дереву и – о удача! – пробил дыру в нем. Тут же, взяв в руки ружье, плечом нажал дерево. Раздался треск, и сухая толстенная осина как подрубленная резко повалилась на снег. Но куницы не было! Хотя выжловка тут же яростно накинулась на вершину сухостоя.

«Ясно, тут схоронилась и сидишь», – подумал охотник про себя и был начеку. Вдруг в пробитом отверстии осины с комля какое-то движение, и вот куница пулей вылетела из укрытия, но не пробежала и двух метров, как Плакса зажала ее в своих острых зубах.

– Отдай мне, ну хватит уже. Поймала, молодец! – Лёнька прикрикнул на выжловку и ловко разжал ей пасть, быстро выдернул трофей.

В его руках был самец. Да еще особенный! Тело зверька стройное, сильное, с пушистым хвостом. «Особо крупный попался кот, – подумал про себя охотник, нежно глядя пушистую шерстку зверька. – В первый раз за все годы охоты такой трофей добыл». Он аккуратно положил тушку куницы

в рюкзак, топором разбил осину. Хотелось глянуть: почему сюда зачастила куница?

– Ого! – воскликнул он, еще не веря своим глазам.

«Вот так подфартило, так подфартило!» – подумал Лёнька. Он, пчеловод, сразу же увидел кусочки пчелиных сот.

– Ба, да это пчелиный улей – вот же удача. А мед не один год пчелки собирали и носили в эту осину. Вот же почему сюда зачастила куница! – воскликнул он.

Лёнька бортничал два часа. Хорошо, что в рюкзаке был большой крепкий пакет. Соты с медом он быстро загрузил в пакет, а потом сложил все в мешок. Забросил на плечо и крикнул. Ноша-то была очень даже тяжелая и для такого крепкого парня, как был мой брат Лёнька. Почуввав свободу, Плакса рванула вдоль широкой и густой лозы, зацепила свежий след лесной косули, заголосила, заплакала навзрыд. «Ладно, набей ноги, а мне домой пора, – подумал охотник про себя. – С такой ношей не ходок особо далеко», – провозжал он взглядом косуль, одна за другой перелетавших в прыжке квартальную линию.

Но все же кликнул собаку:

– Плакса, Плакса, ну-ка ко мне, домой идем!

Но выжловка понеслась вдогонку за косулями.

– Ладно, может, скоро бросишь, – понадеялся охотник.

Он подождал немного и размеренным шагом, переступая валежник, направился через Дедову гору чуть заметной тропинкой в деревню. Шел, не смотрел по сторонам, боясь осту-

питься и уронить ношу – соты с медом. По дороге рассуждал: «Повезло мне, однако! Приду домой, до своей пасеки, и сравню лесной мед с тем, который добыл с домашних ульев». А тем временем и выжловка подлетела к хозяину, виновато толкнулась в руку, лизнула снег.

– Ну что, набегалась? И зачем тебе эти козы... – в голос сказал Лёнька, словно собака его понимала, и продолжил ее воспитывать: – У реки Ствиги еще зайца поднимешь да полдня будешь крутить. Но я тебе уже не помощник сегодня.

Охотник без остановки и передышки спешил до темноты выбраться из леса. «По лугу будет идти хорошо, да и дорога там – зимник, набита лесовозами, что асфальт», – думал он. До опушки леса было совсем не далеко. Вдруг Плакса как-то странно себя повела. Чуть с ног не сбила парня. Нарезала круг. Потом начала задом пятиться в ноги охотнику, словно испугалась. От такого напора собаки, держа крепко ружье в руках наперевес, а тяжелый груз за плечами, охотник чуть не упал вовсе, но удержался и резко сел на снег. Что-то желтое, тигриное что ракета пролетело рядом с его головой. Он резко крутанул голову в ту сторону и замер от удивления. «Рысь, да здоровенная какая», – только и мелькнула мысль в голове. А кот-краснокнижник, промахнувшись в прыжке на охотника, в две секунды перелетел лесную просеку и быстро взгромоздился на сук дуба, как его сразу же догнала картечь с верхнего ствола старого, еще дедушкиного, ружья. Хищник мешком свалился на землю, пытаясь когтями достать кинув-

шуюся к нему собаку. Охотник вторым выстрелом уgomонил его навсегда. Откинувшись на спину, парень снял поклажу, набитый сотами с медом пакет, тяжело выдохнул и сказал про себя: «Вот же зараза, и чего это рысь напала, не увидела ли, что человек?» Хотя... У него словно камень с плеч свалился!

Лёнька разогнул спину и кликнул Плаксу:

– Ко мне иди, да не бойся уже, уgomонил разбойника, уже не живой!

Однако выжловка с опаской смотрела на поверженного зверя. И только когда хозяин ногой ткнул «котяру» в бок, осмелела и зубами вцепилась в загривок рыси.

– Ого, крупная какая-то, почти с собаку, – рассуждал охотник. Он поднял трофей на вытянутую руку, но быстро опустил на снег, хмыкнул: – Крупная-то крупная, но совсем не тяжелая!

Рассматривая дальше хищника, он обратил внимание на «бакенбарды», удлиненные волосы по бокам морды рыси и зубы зверя.

– Да ты, «матушка», совсем-то, старая! – воскликнул он.

На ушах рыси кисточки были совсем белые. мех рыси был очень густой, шелковистый, а живот чисто-белый, с редким крапом. Но было видно, что рысь в последние дни голодала. Лёнька достал нож, зацепил бечевкой за ногу «людоеда» – так он прозвал хищника за нападение рыси на человека – и за это уничтожил ее. Быстро и аккуратно снял шкуру со зверя,

спрятавшись под разлапистой невысокой сосенкой от снега.

– Ба, моя ты Плакса, такая «матушка» в два счета любого лося завалит, а от тебя и клочка не останется. А Плакса? – Ласковым голосом охотник пытался успокоить собаку от этой встречи. – Однако спасибо тебе, что учуяла! Если бы ты не толкнула меня, то итог нашей встречи с разбойницей мог быть плачевным для нас обоих.

Он присел, почесал выжловку за ухом, и какое-то время человек и собака молча сидели под сосной. Низкие, тяжелые облака словно придавили лес, дорогу: сыпали и сыпали снег. Налипали на ветки деревьев и потом с липшими комьями бомбили лес. Лёнька закрывал, то открывал глаза, и ему казалось, что он в лесной сказке. Совсем не хотелось подниматься, грузить поклажу и топать домой в родную деревню. Хочень, где родился и стал настоящим охотником. Как вдруг высокая сосна над ним под порывом ветра уронила один из снежных комьев парню на голову, и холодный снег полетел ему под одежду за шею.

– Да что это я так расслабился, а ну-ка, Плакса, давай поднимайся, нас дома ждет мама Вера! – воскликнул он. – И так мы забаловали. Попадет мне опять от нее за ночевки в лесу.

Ветер набирал силу, зашумел, загудел лес, задрожали на ветру тонкие осинки и березки. Высокие сосны, подчиняясь шалуну ветру, закачали верхушками. Похолодало. И теперь метель закрутила, зашумела поземкой, быстро заметая зимник.

– Чтобы тебя на весну пробило, надоела мне ты, метелюшка, все лезешь в глаза что мошки летом, – совсем по-деревенски ругался вслух Лёнька, обращаясь к вьюге, словно к заколдованному зверю.

А завируха все злее кидала горсти колкой снежной крошки ему в глаза, словно не хотела отпускать охотника. Плакса плелась за охотником след в след. «Ого, разгулялась-то, не на шутку. Быстрее бы нам перейти реку Ствигу», – думал охотник. Согнувшись от поклажи и метели, Лёнька вообще не смотрел по сторонам. Шел размеренным шагом, не останавливался передохнуть. Очень быстро стемнело. И первая изба деревни была для охотника тем сладким мгновением, словно ложка липового меда.

– Пришли, Плакса, а скорее, притащились! – сказал он.

Выжловка словно осмелела и рванула домой.

– Давай уже, чеши, – поддержал голосом охотник собаку, – я тоже скоро приду...

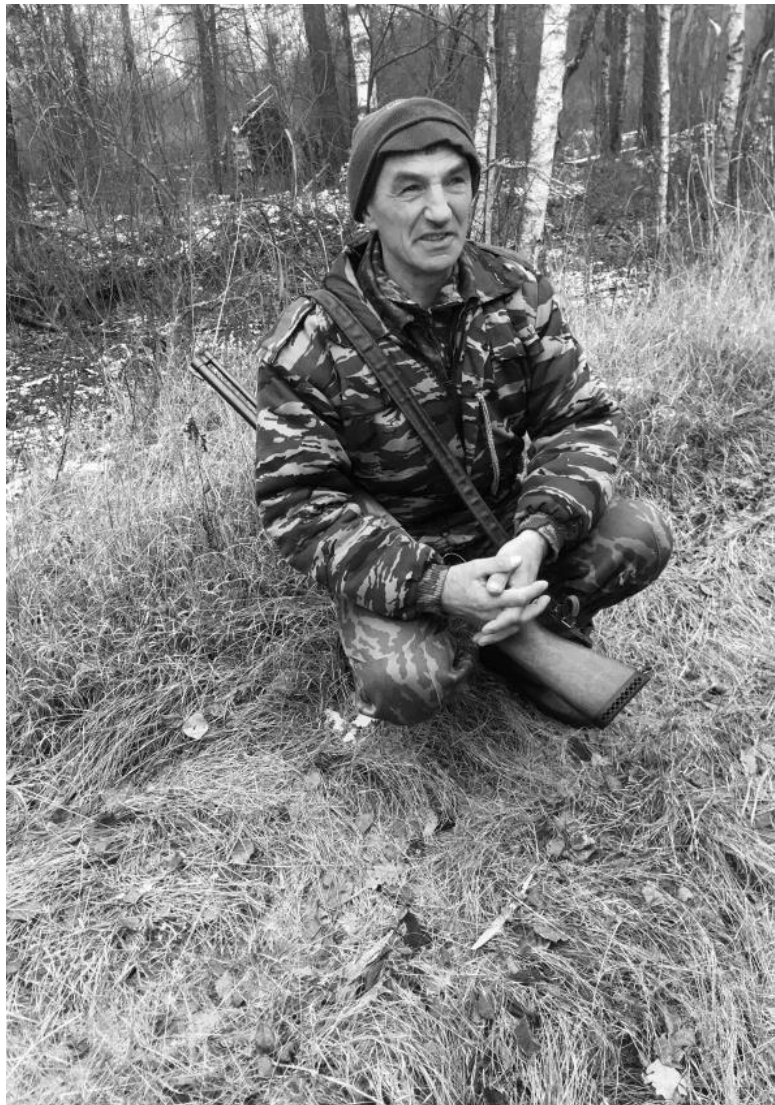
– Так закончилась в те предновогодние дни моя охота. – Лёнька с какой-то грустью посмотрел на меня и сказал: – Помнишь, брат, это было в тот раз, когда мама тебя отправила меня искать? Да потом твою Ниву трактором домой притащили, – закончил рассказывать свою историю, греясь у печки, мой брат Лёнька, а по-местному, в родной деревне – Лёха, шляхетский охотник.

Боль от его ухода в Царство Небесное не отпускает меня по сей день!

Охотники Григорий Котлярчук, Черноголов Владимир

Охотовед Геннадий Курилец

Полецук Леонид, Чумаков Пётр, Владимир Баранец, Торчик Иван, Левкович Михаил, Макаревич Алексей, автор

Несколько слов о друзьях, которых уже нет

При всей своей выдержке и загруженности на работе все-таки позвонил другу. Душа охотника не выдержала. Тот ответил мгновенно, словно ждал звонка.

– Душа? – Человек по имени Станислав из деревни Кольно был еще и отменный рыбак.

– Да ты уже и сам должен догадаться, – отвечал ему и продолжил говорить: – Помнишь ли ты, друг, что мне обещал весточку прислать, а?

– Это какую такую весточку? – словно бы не зная, о чем речь, спросил он.

– Добро, напоминаю тебе! Был ли вечерний лет утки? Много ли прилетало птицы? Да где сад, табунков заметил? – спросил своего друга, знаменитого рыбака, который,

можно так сказать, и вырос на разливах рек и озерах.

Конечно, он сам не охотник, но все же во всех делах Станислав, которого все в деревне почему-то кличут «Стась заяц». Он работает на насосной, что стоит на реке Скрипице. А еще раньше этот неутомный рыбак днями носился на своем тракторе-погрузчике по болотам и стоял в истоке выросшей за несколько лет дамбы у деревни. От деревни Борки и до реки Скрипицы. Дамба стала охранной грамотой для окрестных деревень, от полноводия рек Припяти и Скрипицы. В то же время дамба дала возможность охотникам и рыбакам подбираться к своим любимым рыбным местам вплотную.

– Лена, а почему твоему отцу дали кличку Заяц? – поехав вместе в одной машине, спросил у его дочки.

Но она лишь пожала плечами, смутилась, как мне показалось, и ответила:

– Да не знаю я!

Больше уже ее и не спрашивал. Получилось так, что Стась «тихо ушел рыбачить» в далекие синие дали. Мой вопрос был бестактным. Не стал больше спрашивать эту милую и красивую женщину.

Как-то okazjiей, когда к нам пришла в гости мама Лены, Нинель Сергеевна, у меня на языке так и вертелся вопрос:

– Почему про моего покойного друга Станислава, когда кто-то уточнял, про кого идет речь, так отвечали: «Какой Стась? Может, заяц? Вон его дом» – и все понимали, про

какого человека говорили?

– Ой, да конечно же, я знаю, – ответила его жена, а ныне его вдова, очень веселая и симпатичная женщина. И рассказала мне почему: – Отец моего мужа, когда он был еще маленький, приносил из леса краюшку хлеба, немножко сала, что остались от его обеда, и приучил своих детей, что это зайчик ему дал угощение для них. Ну а Стась был самый маленький и ждал отца на пороге дома, всегда спрашивал: «Батя, а сегодня что зайчик мне передал?» – «Вот, краюшку хлеба», – отвечал ему он. И Стасик, еще малыш, четыре годика, бежал по деревне и кричал: «Смотрите, смотрите, ребята, а мне зайчик хлебца передал!» Люди в деревне смеялись над забавным мальчуганом и прозвали его так: «Ну точно, и сам Стасик – зайчик». Так и прилипла к нему «кликуха» на всю жизнь, – закончила свой рассказ Нинель.

О боже, как тяжело мне даются эти строки о моем друге, аж в пот кидает. Но надо, надо, заставляю себя хотя бы несколькими строками написать портрет моего ушедшего на вечный покой друга. А вот воспоминаний в голове, как говорят, целая телега и вагон!

Как-то раз уговорил Станислава поспособствовать, как казалось мне, в одном рискованном проекте – моей охоте на уток. Дело в том, что его лодка-плоскодонка стояла за Поповым рвом, в озере, ближе к реке. А Стась мне подсказал, что в закрытом озере, со всех сторон которое окружала непроходимая лоза, насмотрел хороший сад уток.

– И где это ты, охотник, ездешь? Что-то не видать тебя давно, – пожурил меня Стась при новой встрече.

– А что случилось, чем помочь? – спросил у рыбака.

И он ответил мне:

– А ты знаешь озеро лесное, что за Поповым рвом, а?

– Да конечно же, знаю! – И сам засмеялся при этом.

– Так вот что, охотник, давай-ка собирай свои манатки и прилетай ко мне на насосную, – пригласил он меня.

– И что? Как дальше поедет-то? Дорога-то разбита тракторами, – сказал я.

– А там поедет на моем мотоцикле. Возьмем лодку-плоскодонку и затащим в озеро. Там прорубим дыру в лозе и выскочим на водную гладь озера. – И продолжил меня «затачивать на интерес»: – Утки так орут, и несметные стаи туда падали. На свои глаза видел, так что ты поохотишься, а я подкормлю карасей, и еще натаскаем рыбы на уху. Сварим потом уху на насосной, да посидим, поговорим о былом! И ты это... – Он замолчал на минуту и сказал: – Ну сам, что, не догадываешься?

– Да нет, – ответил я.

– Бутылку возьми! – крикнул мне в трубку Стась.

– А я на охоте не употребляю, – пошутил я.

– Так ты не пей, сам выпью, – засмеялся Стась.

Рассмеялся и я:

– Добра!

Такой подход к делу и мысли о саде уток меня грызли

целый день, до конца работы. Только закончился трудовой день, быстро собрался, телефон выключил. «А там ищи ветра в поле», – подумал сам. Уже через час, а дело было в конце августа, приехали за Попов ров, с лодкой. Да еще добрый час врезались топорами в лозу. «Прорубили окно в Европу», – так пошутил Стась. А на озере были слышны шумные взлеты крякв, которые что вертолеты с вертикальным взлетом, сразу набирали высоту и уносились в сторону реки.

– Ну вот, всех распугали, – заметил я.

– Да нормально, – сказал друг и продолжил тихо шептать на ухо: – На вечернюю зорьку прилетят как миленькие, так что стреляй, не зевай, охотник. – Он толкнул меня в плечо и сказал: – Все, баста, хватит, проход для лодки есть.

И мы, двое в рыбацких сапогах, столкнули лодку на воду. Я уселся на носу, на переднем сидении, а Стась толкал лодку веслом. Только мы выскочили на чистую воду озера, как из-под нависших кустов густой лозы выплывали кряквы, растерянно крутились на воде и с истошным криком срывались и падали, падали обратно, сбитые моими выстрелами.

– Ого, за пять минут шесть крякв уложил! – сказал Стась, с восхищением смотревший на мою пальбу.

А сам я уже был готов к новым выстрелам. Но лишь в самом конце озера сорвалась одинокая утка и улетела прочь.

– Что, далеко была? – тут же спросил напарник.

– Да пока хватит. Маскируемся и ждем вечернюю зарю, – попросил я друга.

Осторожно веслом нащупали дно, и мне пришлось с горем пополам вылезти из лодки да примоститься на купине, примятой утками траве.

– Ты здесь карауль уток, а я на другом конце озера карасей половлю, – сказал Стась и быстро уплыл на лодке.

Время тянулось медленно. Уток больше не было видно. Вот уже и солнце село за горизонт. И понеслось. Со всех сторон, словно кто-то большой из корзины в небе сыпал камни, начали падать на вечерний сад кряковые утки. Кряквы крутились на воде, словно чувствовали, что они тут не одни. И я не вытерпел. Грохнул выстрел, потом другой. На воде остались сбитые утки, а часть крякв рванула в небо. Но со стороны реки шли все новые и новые стаи. И падали, падали без облета на гладь озера. Даже несмотря на мои выстрелы, плыли в лозовые кусты и затаивались, затихали.

Вечерело. Заря всю занималась на западе. Темная августовская ночь плавно легла на лозу. Опустился туман. Над озером ночь вытолкнула день, и стало тихо-тихо. Только одинокая фигура человека в лодке, это Стась подплывал к моему месту засады.

– Надеюсь, уток навалял и на мою долю, – шутливо сказал рыбак.

– Да, конечно, – ответил я ему. – Давай-ка соберем добычу, пока совсем не стемнело.

Собрали пятнадцать крякв. Это было очень много. Помню, что мы пару часов на пару с другом обрабатывали уток и

нажарили красных, почти золотистых карасей. И ой как нам пригодился бодрящий голову напиток!

Другой раз, в то далекое время мой бывший шеф – Степаненко Алексей Николаевич – как-то сказал мне:

– Все говорят, что мой зам – большой охотник и рыбак. Но что-то не вижу никакой рыбы, угостили бы меня.

– Так нет проблем, Алексей Николаевич, – сказал я и сразу же предупредил Стася, чтобы он нас ждал с самого утра за Поповым рвом.

А сами мы с рассвета понеслись на ниве в угодыя.

– Вот хорошо, – сказал Алексей, – заодно посмотрим, как идет косьба трав. Много ли стогов сена заготовил Гена Маркевич?

Это бывший председатель колхоза «Советская Белоруссия», ныне покойный, очень хороший Человек.

Вся река Припять спала еще в немом безмолвии тумана. Рассвет только забелел, как мы стали рыбачить на широком песчаном плесе. Сам начал тягать окуней один за другим. Клев был бешеный, словно кто-то в реке, а может, сам водяной, помогал. Скоро у меня было полное ведро рыбы. Тут вспомнил про Алексея. Подхожу, и что? Темнее тучи мой шеф!

– Не клюет? – спросил я его.

– Да проблема у меня, перепутал удочки и взял с большим крючком и поплавком, – сказал Алексей. – Смотри!

И правда. Посмотрел на снасть, и меня словно током про-

шило.

– Возьмите мою, – сказал, а сам сел на траву.

Алексей тут же взял мою удочку. За час натаскал окуней и плотвы еще одно ведро. Оба, довольные, начали собираться домой.

– Это кто к нам плывет? – вдруг громко воскликнул Алексей.

Из-за поворота реки к нам – на песчаный берег реки – приплыл Стась.

– Это наш друг, – сказал я шефу. – Он от нас отдельно, в озере рыбачил.

– И что поймал? – спросил мой шеф.

– Смотрите! – сказал Станислав.

Он вынес из лодки полный рюкзак золотистых карасей, сыпанул их на песок, и в лучах восходящего солнца золотым ковром заиграла эта редкая уже и в то время рыба.

– Удочкой наловил? – спросил его Алексей Степаненко.

Быстро и незаметно кивнул другу, и тот ответил утвердительно.

– Хотел и вас позвать, но надо было в темноте плыть по реке. А лодчонка-то у меня маленькая. Трех боялся везти, да еще начальников, – улыбнулся Стась, широко открыв рот и выставив напоказ зубы. – Забирайте, это для вас – рыба. А я остаюсь еще порыбачить. Так что еще для себя наловлю.

– Спасибо, Стась!

Мы оба его поблагодарили и уже через час были дома.

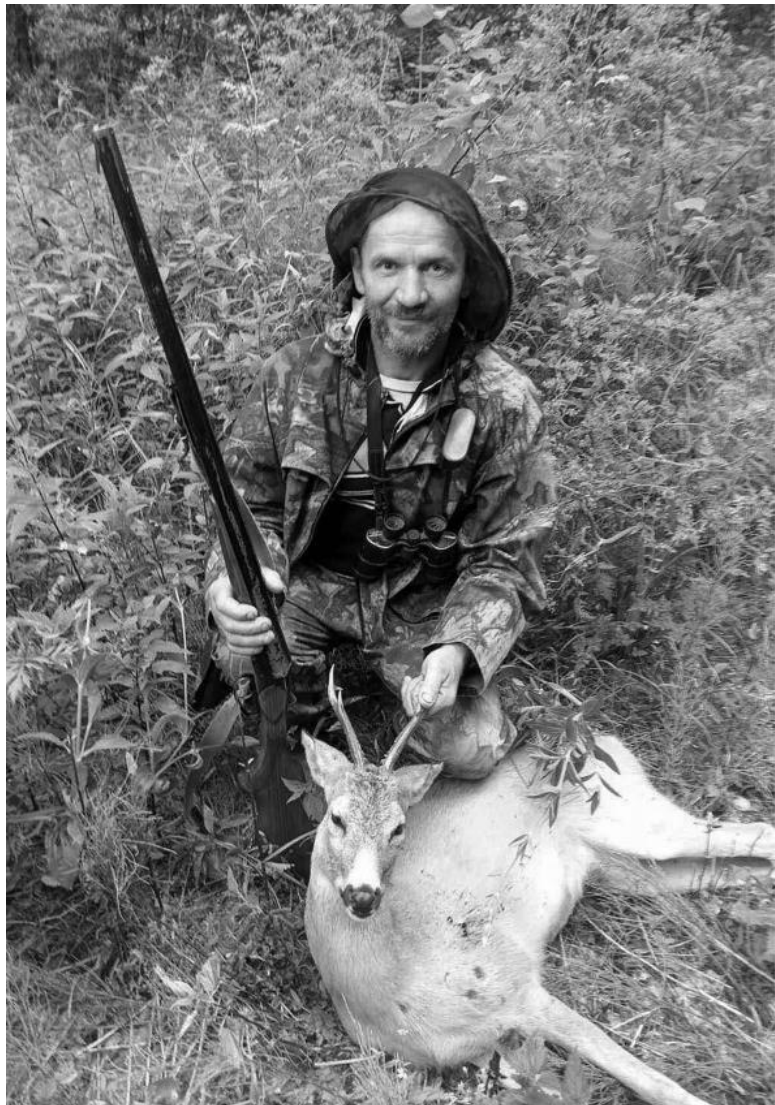
Долго еще Алексей Николаевич вспоминал эту рыбалку. А я благодарил Станислава!

Как-то незаметно и тихо он ушел, пусть эти строки будут тебе, Станислав, светлой памятью, а мы тебя, дорогой наш друг, помним всегда! Вот правлю строки, а уже нет и Алексея Степаненко. Царство вам Небесное!

Охотничий дуэт «Дед Бекас», г. Дрогичин

Охотник Падченя Василий

Переселенцы

Деревня жила своей размеренной жизнью. Лишь несколько новостей этим летним днем, в разгар сенокосения, были на слуху не только у соседок-кумушек, но и сильной половины. Так, собравшись на утреннем наряде, мужики обсуждали новую для деревни тему: пять семей в деревню к нам переселяют с Мерлинских хуторов, что возле военного полигона в лесу.

– Что за люди, а где же им жить? – гомонил дед Левон.

– Да не вижу тут большой беды, – отвечал ему дядька по фамилии Швед.

Не тот, что под Полтавой был. А бухгалтер колхоза имени 22 съезда КПСС! Просто у него фамилия такая, высокий и умный мужик.

Он продолжал говорить на наряде, успокаивая местных жителей:

– Приходили к нам в хозяйство два брата по фамилии Куришко и семья Масло, а также Рафаловичи и Кожановские. – И продолжал: – Государство им деньги на покупку домов выделило. Возможно, купят лес и сами построятся. Мужики-то с виду мастеровые.

Так в нашей деревне поселилось несколько семей переселенцев.

Стали жить, поживать и добра наживать. Конечно, нелегко им было прижиться в другой деревне. Тут больше цивилизация. А старый хутор – это Мерлинские хутора – лесное царство, как часто мне рассказывала наша соседка, тетка Мария. Как и сегодня, слышу ее слова:

– Зашумит ветер кронами сосен да принесет в хутор аромат хвойного леса, запах лесных цветов и ягод, словно в сказке жили. А я, в то время маленькая совсем девочка, бегу следом за мамой, держу ее за подол платья, плачу и ору во весь голос, ей и себе: «Подождите, не спешите!» А те в ответ: «Догоняй, догоняй нас» – и весело щебечут на всю лесную поляну. Ах, какую красоту мы потеряли! – с какой-то горечью в голосе сказала тетка. – А знаешь, сосед, – обращаясь ко мне, говорила тетка Мария, – сколько на болоте рядом с нашей деревней было клюквенных и черничных мест, особенно за магистральным каналом! «Гало» – так наши прадеды называли это место за редкий и тонкий сосняк.

Помолчав минуту, тетка с дрожью в голосе продолжила рассказывать дальше, а я слушал и слушал ее боль в каждом

слове.

– Ох, а болота-то, эти болота, верховые болота, были очень опасны. Нас, детей, пугали, что там водится Баба-яга – ко-
стяная нога и леший, дед с бородой. Поймает дитя и отдаст
Бабе-яге. И не один наш поселок выселили, а много деревень
по реке Ствиге и ее притоку Молоч, где жили мои родичи.
Где все это делось? Неведомо!

Тетка Мария замолчала, достала платочек и вытерла мок-
рые от слез глаза, склонив голову совсем в ноги. Мы немно-
го помолчали вместе, сидя на деревенской лавочке, и тетка
стала опять рассказывать про оказию, так она назвала пере-
езд на новое место, в мою родную деревню.

– Жили мирно и дружно! Но случилось так, что приехали
солдаты на машинах и развезли всех жителей на все четыре
стороны, – очень часто плачет о своей горькой доле и разо-
ренном родовом гнезде тетка Маня.

Скоро у наших соседей родились детки: два парня, Сергей
и Михаил, да дочка Люда. Теперь у них свои дети, а у бабуш-
ки Мани шестеро внуков. Недавно у соседки был юбилей –
исполнилось 80 лет. Даже в эти годы она держит большой
огород: пшеница, картошка, а также хрюшки в сарае да пес
в будке. И прилетели на юбилей дочка Люда, что живет в г.
Житковичи и первая помощница матери на скорую руку, да
два сына из-под Гродно. Оба ветврачи. И оба охотники. Сер-
гей работает на таможне. А Миша в ветлечебнице, он же и
председатель местного охотничьего коллектива. Сергей по-

могает нам, охотникам, обрести себе друзей, охотничьих собак породы «беларускі ганчак». Эта страсть к собакам именно этой породы – белорусский гончак – у него зародилась с момента общения с моим братом Лёней и нашей первой охотничьей собакой Барсом!

– Понимаешь, Гена, так запал мне этот выжлец в душу своей красотой и гоном да вязкостью и злобой к зверю, что долго искал собаку, похожую на Барса. И когда случайно узнал, что собак такой породы держат в Ошмянах, поехал и взял щенка. Так появился у меня выжлец Гай и в 2012 году выжловка Плакса. Взял ее в г. Радунь. Родословные были уже четырехколенные. В выставках мало участвую, все больше занимаюсь разведением породы. Мне нравится, что собаки эти очень послушные и вязкие, – при встрече на праздновании юбилея тетки сказал мне мой земляк.

Мы долго говорили о былых охотах. Сергей сказал:

– Так один раз пошли на охоту на кабана, а выжлец Гай зацепил кумушку лису. Видно, что мелькает между берез. И вдруг бац – выскочила мне прямо в ноги. Бабах – пропуделял мимо. Подлетает выжлец, а мне-то его нужно снять с гона, ведь охота-то на кабана. Поймал, держу, а он мне руки лижет, ласкается, ай-ай, повизгивает, как дитя малое плачет, словно просит: «Отпусти, батька, за лисой». Дрогнуло у меня сердце: «Ладно, давай, гони». Жажда хватки и ярость погони выжлеца не раз давали мне такое счастье – слушать музыку гона, сольное выступление «артиста». Это какая вязкость у

собаки. А! Тебе вот привез щенка от Гая, белорусский гончий, выжлец по имени Гобой. С родословной. Бери! Разводи породу на Родине, – предложил мне заводчик.

– Конечно, возьму, не откажусь! Он же мне напомнил легендарного Барса. Пусть подрастает и будем с ним охотиться на Малой Родине, – согласился я.

Мы встретились немного позже, по моему приглашению, в городе, у меня дома и за чашкой чая долго перемалывали охотничьи истории. Я узнал, что брат Сергея, Михаил Куришко, и сегодня не расстается с ижевской «курковочкой».

– Знаешь, – хвалил он свое ружье, – предпочитаю только 16-й калибр, пуля лучше идет. Не раз выручало ружьишко! Да и по зайчику много хожу. У нас русака много. Выйдешь теплым октябрьским деньком в лес в компании со своими друзьями, и у каждого у нас по «смычку» гончих собак. Сердце замирает от того дикого восторга их гона, забываешь все на свете. Собачий голос, даже для человека совсем не музыкального, что опера звучит – то выжлец Алтай как барабан забухает, то выжловка флейта так заплачет и заголосит по зрячему, поднявшемуся с лежки зайцу, что артисты на сцене в два голоса. Дивлюсь, а вот зайчишка-русак выскочил на поле, постриг ушами да выслушал собак – и прыг в сторону на метров пять. И залепил метров двадцать по полю в одну сторону. Затем своим следом дунул обратно. А там еще прыжок. И обязательно за какой-то кустик. Вылетает смычок, туда-сюда, ан нет заячьего следа. Но Флейта за

секунды распутывает шалости русака, и опять этот взрыв радости собачьей и восторга охотника, слушая дуэт смычка – баритон Алтая и сопрано выжловки. Ну разве у нас, охотников, не бывает так, что от восхищения гоном и выстрелить по зайчику забываешь? Спасибо Сергею, моему брату, что он мне подарил таких щенков и из них выросли настоящие гончие псы.

– Да, Миша, – вступает в разговор Сергей. – Хотя и трудно сегодня держать стаю собак дома, но пока можно купить кашу и есть интерес охотников к моим собакам, то еще долго будем восхищаться их гоном и разводить эту породу, – ответил брату Сергей.

Душевный разговор у нас за чашкой чая, но земляки спешат домой. Им еще более 300 км ехать.

Тут вступает в разговор супруга Михаила и говорит:

– Его, Мишина, охота чуть раз не стоила ему серьезных проблем.

– Да тихо, Наташа, – попросил жену охотник.

– Да раз приперся домой, а нога вся в крови. Спрашиваю: «Что случилось?» – «Да на сучок напоролся».

А я же сама врач-ветеринар. Меня так не подманишь! «Ну-ка, покажи ногу». А там шрам! Да не маленький шрам, еще хорошо, что артерия не распорота. «Ну-ка, признавайся», – наехала на мужа. «Ладно, давай помогай, это кабан на охоте поцарапал», – ответил он. «Это царапина разве?» – плачу и бинтую ногу.

– Если бы не два яга да гончак и лайка не держали кабана, то была бы мне небесная симфония, – тихо шепчет мне на ухо Михаил.

Прошу его:

– Расскажи!

– А было так, – начал говорить он. – У нас же нет такого леса, как на Малой Родине, за речкой Ствигой. Одни перелески в поле. Правда, в них тоже есть крепкие места, где останавливаются кабаны. После недавнего вируса чумы кабан у нас очень редкая дичь. Порой заходят со стороны Прибалтики, но уходят назад, редко останавливаются. Так что заповлевать кабанчика для наших охотников – уже большая мечта. Так и тогда было, когда меня секанул по ноге вепрь. Позволил один из охотников. Он заметил в одном леске, который окружали поля и канавы, довольно набитую тропу. Поехал сам. Посмотрел – точно, следы свежие, ходил кабан одиночка. У меня-то коллектив охотничий небольшой, всего тридцать человек. Лицензии были. И в субботу мы взяли два яга, выжлеца Алтая и один их охотников взял лайку – русского европейского кобеля по кличке Черныш. Подкатили на машинах прямо к месту охоты. Помнишь, как-то моей матери твой брат Лёнька подарил щенков яга? Охочусь с ним и сейчас. Быстро расставили стрелковую линию. А мне, как всегда, досталась миссия загонщика. Люблю сам ходить в загон. Да и нужно знать хорошо лес. Кабан – это не лось.

Так затаится, что в метре пройдешь и не подымешь. Зверь

очень хитер и умен. Другой раз залезет в такое место, что только собаки его достанут. Не один год хожу в загон, знаю каждый куст. Лезу в самые дебри, лишь только можно продраться через лесные заросли. Иду тихонько, по следу. Вдруг пес Заманайка затыкал, потом к нему подключился гончий выжлец. Кабан выскочил совсем рядом со мной. Лежал под нависшей над болотной ямой елкой. Взвожу курки и в последний момент одним выстрелом достаю вепря. Один миг – и его уже перед глазами нет. Неужели не попал? Быстренько на след. А на следу кровь, да и довольно много. «Ага, значит, хорошо попал», – подумал про себя.

Набрал по мобильному Матвея. Он стоял как раз напротив того места, куда рванул кабан. «Смотри, раненый кабан идет», – говорю ему. На следу кровь. А к ягам подключился гончак. Забухал раскатисто, и порой голос лайки был слышен в этом хоре гона. Хорошо взяли кабана. Лес наполнился таким гулом, песней гона, что она разносилась вокруг, да ей было мало места в лесу. Казалось порой, что песня гона рвалась в небо, к серым облакам. И душа моя охотника переполнялась этой яростью гона, когда квартет собак будил у меня какое-то первобытное чувство мужчины-добытчика. Знаю, что хитрый кабан в поля не пойдет, нарежет круг и, удирая от собак, будет спасать свою шкуру в лесу. Поэтому быстро поменял направление и вернулся назад. И точно! Вижу, здоровенный вепрь, отбиваясь от наседавших собак, тихо подвигается к лесу. Собаки то его останавливают, то ка-

бан, улавливая момент, делает стометровку в сторону леса. Бегу что есть мочи на перехват. Вот он, метров десять. Целюсь, но собаки, чуя рядом охотника, прямо на нем виснут, особенно яги. Никак нельзя выстрелить, можно их зацепить. Вдруг кабан опять сделал прыжок. Собаки его упустили на миг. Тут и ударил его пулей, – тихо сказал Михаил и замолчал.

Потом сказал:

– Кабан присел на задние ноги, круто развернулся и скрылся в мелиоративной канаве. Собаки за ним. Подбегаю ближе, секач то в канаву, то на поле. А собаки прямо висят на нем. Думаю: «Сейчас точно гончака резанет». Вся эта возня у меня за метров десять происходит. Вожу стволом ружья по цели и только на курок хочу нажать, а на линии выстрела собака. Так минут пятнадцать прошло. Стою! Жду! Кабан опять в канаве. Мне не особо видно. Вдруг он вылетает и прямо ко мне – в ноги. А собаки позади. Стреляю один раз, другой на штык. Все, ружье пустое, без патронов. «Все, – думаю, – мне крышка! Сейчас покатит и порвет». Тут собаки, как грозди винограда, виснут на нем. А секач у моих ног, только успел лычком крутануть и сразу чувствую, что-то теплое по ноге побежало... кровь. Тут лайка хватъ зверя за промежность, остановила, спасла меня. Перезаряжаюсь и в упор, в хребет вгоняю четвертую пулю в вепря. Он падает. Обмяк, и у меня тоже ноги подкосились.

Сел на поле. Достал нож, резанул штанину. Слава богу,

артерия не порезана. А боль такая, печет, словно кто головешку с костра достал и ногу мою печет. Остановил кровь. Благо со мной всегда в рюкзаке аптечка. Тут подбегают охотники. За меня и в машину. «В больницу едем, или как?» – спросили меня. «Да нет, домой, с кабаном сами разбирайтесь, только лицензию закройте», – напоминаю. А у самого в голове: «Как жену успокоить?» Еду, дернул ногой – и повязка на ноге все мокрая стала. Придумал! Скажу, что на сучок напоролся. Жена-то тоже ветврач, не обмануть. Сразу поняла, как глянула. Начала причитать. «Бинты неси!» – говорю ей. Жена быстренько принесла бинты. Посмотрела и говорит: «Только бинтами не отделаешься. Придется уколоть. И стянуть широкий разрез в местах ниткой». Молчу, терплю, скажи что невпопад – еще больше получишь по «карку», – говорит и смеется при этом мой земляк. – «Да зачем тебе эта охота? Да в магазине все можно теперь купить! – целый день мне жена нотации читала. – Хочешь, скажи мне, фаза на тебе приготовлю, курочки домашние есть – всего хватает. Яиц полный «кошель», не знаю уже куда девать!» Тогда долго жена не унималась, все меня пилкой пилила. Лупила словами и плакала. Короче, получил я за такую охоту по полной! Молчу что рыба. И сегодня, когда напоминает мне эту быль: «Что молчишь, воды в рот набрал!» Тут жена прервала свой монолог и посмотрела на меня. Ее как обрезало. Видно, поняла, что зря начала этот разговор. Мне стало понятно – пронесло, – сказал Михаил. – Пора и мне сказать. «Зна-

ешь, дорогая, – говорю ей, – выключи свою «пилку», душу и страсть охотника в магазине ты точно не купишь». Успокоил немного жену. Но другой раз мне этот сучок вспоминает, как на охоту собираюсь. Также помню, как жил в деревне Хочень и до учебы в институте ходил на охоту за речку Ствигу. Очень хочется уехать домой, к этой речке, к своей родной хате, где родился, бросить все на чужбине, – сказал Михаил. – Правда, когда приезжаю сейчас на Родину, то уже не узнаю местность вокруг деревни. Поля да поля кругом. Нет длинных лоз по низинам, ни дубняка, где грибы брали, ни колхозного сада, только редкие дубы остались. Решил местечко Бельков навестить, карасей половить. Так кругом канавы, не перешел. Только ночью мне и снились караси в сметане. Проснулся, а сестра Люда жарит на углях маринованного карпа. Купила по случаю. Чем не карась, хороший карп.

– Мои же хлопчики, как рада, что все тут собрались. Жаль, только постарела сама, как дом наш. Уже 60 лет живу, гвоздя нельзя забить. Одна труха, – вступает в разговор старушка, мама парней, а для меня тетка Маня, соседка.

– Да ты, мама, не горюй, – отвечал Мишка, – еще на двухколесном «коне» и в лес за клюквой, и в магазин едешь. Держись. Все у тебя есть. Или давай-ка поедem к нам – у нас поживешь. Что скажешь?

Замолчала старушка и сказала в ответ:

– Погостить можно! А как же хата без меня? По вечерам молюсь за всех Господу нашему. Да как вспомню хутор свой

родной, где девочкой бегала, плачу... Сплю мало, и сон совсем не долгий. Но во сне ко мне приходят все умершие родные. Какое счастье их видеть, беседовать с мужем моим, покойным Алексеем, – сквозь слезы закончила говорить и надолго замолчала старушка.

Долго можно писать об этих событиях жизни на Полесье, но юбилей тетки есть юбилей, и мы тут не одни.

Два брата Куришко Сергей и Михаил

Охотничьи байки

Заканчивался апрель. Полный перепадов тепла и холода. Такая погода негативно влияла на тягу королевской дичи в пойме реки Ствиги – вальдшнепа. Ждал теплый вечер. А еще просил родную планету Земля: пусть небо хмурится и дождик моросит. Такую погоду любит лесной кулик. В сырую погоду земной червяк вылезает наверх на лесных дорогах и становится лакомством для лесного кулика, словно мед для медведя.

Не спеша шагал к месту тяги по высокой дамбе, от маленькой деревушки, что прилепилась к огромному массиву леса и реки Ствиги. О, эта королевская дичь не давалась мне в руки уже несколько охот. Вместе с Алексеем Друк стояли на его фирменном месте, у торфобрикетного завода, где мой друг добыл вальдшнепа, а сам промазал так, что надо было с горя горькой воды напиться. Но разве я в ее плену? Конечно,

нет! Все мои мысли были о лесном кулике.

Вдруг с разлива реки взлетел селезень-«француз». Сверкнул в лучах убывающего на западе солнца красивым оперением и был таков. И только тогда я заметил, что река катит свои темные воды у самой дамбы. Красота природы! То разливаясь, то в узком месте бурлит поток, шумит, злясь на преграду в виде бобровой плотины. Рушит старые ветки и упавший камыш, опять разливается вширь. Так засмотрелся, что ногой попал в глубокую колею от трактора и чуть сам не полетел в воду. «А может, так и надо», – шальная мысль пронеслась в голове. Вон же полянка. Через протоку, в ста метрах. А так – шагать по дамбе с добрую версту. «И где моя молодость? Не шали», – тут же кто-то невидимый подсказал мне. И я лишь ускорил шаг.

Минут пятнадцать – и стою на берегу реки. Красота. Местами берег реки скрылся под бурлящими потоками. Ба, а это что или кто? Одинокая байдарка выскочила с поворота реки, и парень в красной майке летит по самому стержню потока, умело работая веслом. Миг один – и он скрылся за кустами ивняка. Только три кряквы от испуга, тяжело махая крыльями, сорвались, набирая высоту, и вновь упали за островом на воду.

Вечереет. Пора, пора! Вот-вот потянет вальдшнеп. Хотя знал, что в этом месте лесной кулик летел уже в полных сумерках. Но добраться на поляну непросто. Ручей перешел быстро, не набрав воду в сапоги. «Уже хорошо», – мелькну-

ла мысль.

Стал на полянке и решил попробовать манок. Тут же зазвучали на всю округу трели вальдшнепа. Характерное «хрю-хрю» с подсвистом. «Хватит, батарейка слабая», – подумал про себя. Выключил манок. Вдруг слышу голоса. Не один, значит, тут охотники еще есть. На самом моем любимом месте стали. А может, браконьеры? Хотя нет! Ловушки-то стоят, не побалуешь. Егеря тоже не спят. «Ладно, – подумал про себя, – еще поманю».

Манок запел свою песню. Треск кустов и голос:

– Тише, тише, не ломись так, вальдшнеп рядом поет.

Я зажал рот, чтобы не рассмеяться в голос. Тут два «перца» вылазят из кустарника. На лицах удивление и растерянность.

– Здравствуйте... а мы думали, вальдшнеп тут токует.

Меня так и корчило от смеха. Но сдержался. Лишь спросил:

– Вы откуда, может, с России?

На одном камуфляж был похожий, что носят офицеры.

– Что-то не знаю вас.

– Да нет, – отвечают, – мы с г. Турова. Были здесь две недели назад.

– И что? Кулик тянул на той поляне?

– Да! Только в самых сумерках.

Хотел познакомиться с ними поближе. Но молодые охотники быстро ретировались назад и растворились среди оль-

хового леса, словно их и не было. Молодые, что с них взять? Тут сам рассмеялся в голос и минуты две не мог остановиться. Как подумаю про себя «вальдшнеп токует на березе», и опять смех. Или веревкой привязали кулика за ногу на одном месте? И опять смех разбирает. Только рот прикрываю, чтобы охотники не слышали.

Быстро смеркалось, и лишь один лесной кулик протянул рядом, но над водой и зарослями лозы. Можно было стрелять, но как найти трофей? Быстро смекнул. Прицелился. Проводил взглядом. Не стрелял! Надо выбирать. Ручей перейти, а то в темноте точно в сапоги наберешь воды. «Не лето же», – точила меня мысль. Выйдя на поляну, почти в сумерках, услышал такое желанное пение вальдшнепа. «Тянет», – подумал про себя. Уходит. Тишину наступающей ночи расколол выстрел. Вальдшнеп упал мне прямо в ноги! Так и закончилась моя охота на вальдшнепа.

Потопал довольный до дома. Шагал к деревне по дамбе, не спешил. Тихо шептал вечер свою молитву, да птицы угомонились, кукушки голос затих вдаль. «Наверное, кому-то другому кукует, считает годочки», – мелькнула запоздалая мысль. И только! Лишь ручей пел свою вечернюю песню, переливами одинокого баяниста. Усадьба Хочень встречала меня звенящей тишиной, тишиной наступившей ночи. Гости все давно угомонились. Скоро и сам уснул, еще полон впечатлений от природы Полесья.

Охотник Поздняк Александр

Золотой нос

По случаю мне удалось поговорить с охотником города Стобцы. У нас взаимная тяга до разведения породы белорусский гончак. Жаль, что после пяти лет хорошей охоты мой гончак украден, и до сих пор жду. Может, вернется. Но не об этом. А у Андрея Сергеевича есть выжловка. Кто знает, может, договоримся о щенке в марте будущего года. Разговорам охотникам при встрече нет конца.

И Андрей рассказал об одном случае на охоте. Был прекрасный осенний день. Разве можно усидеть дома?

Подначивал Андрея батя:

– Давай пройдемся, набьем ноги да послушаем гон выжловки. Одно место знаю, где зайчик три лежки набил.

– Хорошо, батя, – только и ответил Андрей.

Ему было в радость с батей тропить хитрого зайца, который не раз обманывал старого охотника, да и так сколы де-

лал, что выжловку сбивал со следа на первом же загоне. А Багира так и крутится у ног охотников. Не забыли бы взять с собой.

Вот идем по жнивью, пересекая поле. Не спеша. Хочется петь, излить душу от красоты лесных островов, одетых в разноцветное одеяло осени. Небо высокое. Тишина. Только хитрая сорока проводит нас и стрекочет: «Спасайся кто может, охотники с собакой...» А Багиры и след простыл. Вдруг заплакала навзрыд, заголосила выжловка. «Помыкнула» с лежки русака. Заяц мчится боковой, примерно в восемьдесят метрах от отца. Он быстро вскинул ружье, ни секунды не медля прозвучал хлесткий выстрел, эхом отозвался в перелеске. А заяц мчится и быстро скрывается в высокой траве.

– Обидный промах, батя, – говорю ему.

Но отец молчит, лишь кивнул. А выжловка плачет по зрячему, голосит после выстрела еще азартнее. Заливаясь, с заревом. Вдруг гон резко прекратился.

– Наверное, скол у Багиры, – говорит отец Андрею. – Заложил заяц сдвойку и сбросил со следа собаку.

– Этот хитрец может, – ответил ему.

Но батя немного далековато стрелял. Скорее, мимо... Но отец молчал. Потом хмыкнул, нахмутив брови. И сказал:

– Не торопился бы ты, Андрей. Погодь чуток.

И тут подлетает Багира. И начинает с Андреем «говорить»! Виляет хвостом, за брюки тянет, скулит.

– Иди за собакой, – сказал отец. – Русака добыли.

И точно! В высокой траве, забившись под куст, лежал трофей отца – хороший заяц-русак. Только и сказал:

– Ай, молодец, Багира, теперь буду звать тебя «Золотой нос»!

Так и случилось на соревнованиях вскоре. Выжловка Багира заняла первое место в Республике Беларусь среди охотничьих собак породы белорусский гончак. Присвоено звание «Золотой нос»!

Охотник Андрей, г. Столбцы

Дядька Вася

А лучше было бы так написать: «Дядька Вася и шесть его дочерей». По его словам, одной из них уже нет на белом свете. А самому дядьке Василию Чернушевич из деревни Хочень 92 годика отстучали невидимые часики. Таких аксакалов в деревне несколько. Они живут себе спокойно, тот генфонд деревни, который пережил войну и хрущевский кулузный хлеб.

Встреча с этим старейшим мужчиной родной деревни состоялась незаметно. Копался у пчелиного домика и увидел, как идет по дорожке на усадьбу мужчина. Выше среднего роста, довольно пожилой.

– Доброго дня. Доброго дня, – сказал он.

– И вам доброго, – ответил ему.

И тут же услышал возглас моего гостя из деревни Переров
Николая:

– Зачем вы пришли? Позвонить нельзя?

На что дядька Вася только рукой махнул. Он сказал мне:

– Вот, хочу зятю сказать, чтобы помог мне грядку скопать.

Пока его зять Николай был немного занят, предложил дядьке присесть на лавочку у пруда. На что он сразу согласился. Мы сели рядом, и завязался непринужденный разговор. О том о сем.

– О, караси-то хорошие плавают, – сказал он, заметив в руду рыбу. – У нас тоже возле дома озеро. Там можно половить рыбу.

– Как поживаете, дядька? – спросил его.

– Дай бог всем так, – ответил он. – Таких дочерей, как у меня, ни у кого больше нет. И котлеты, и рыба, да и так, берегут меня, поэтому и живу. Жаль очень. Одна дочка померла. У каждой своя судьба.

– А которая ближе к вам живет? – спросил дядьку.

– Так Надя, в деревне Переров. Вон Коля, мой зять. Они вместе очень помогают мне.

На минутку он замолчал. Потом сказал:

– А ты знаешь, что когда мне было еще одиннадцать лет, то пас корову твоей бабушке Наде. Получал пуд зерна и мешок картошки. А когда война началась, то уже тринадцать лет было. Тогда от фашистов сильно пострадали люди соседних деревень Ридча и Сторожевцы. А в 1943 году уже фронт стоял. Твоя баба пряталась и еще несколько семей в лесу в Орливе. Помню, чех приезжал на коне, передавал сведения

для партизан. Но его потом немцы убили. Помню, как хлопцы с деревни, Томаш и другие, вместе с разведчиками нашими из армии взяли в плен немца, ранили. А я на телеге возил его к фронту. Работал потом в колхозе. Председатель был по фамилии Блоцкий. У его орден был на груди. Хороший колхоз был у нас. Богатый. А дед твой был председателем в деревне Запесочье. Незавидная их судьба. Помню, примака твоей бабы Нади, уже после того как деда не стало. Хороший мужик был, стройный. Но полицаи с соседнего Турова его и Божитова убили...

Мы сидели на лавочке и молчали.

– Знаешь, у меня одна дочка за военным замужем. У Черного моря. Внука два. Ой, и не сосчитать всех.

Мне хотелось разговаривать дядьку больше. Но разговор как-то на этом месте и затих. Сам сидел рядом с одним из старейших земляков родной деревни, и боль сжимала сердце об ушедших в мир иной. И уже понимаю – деревня не та, что была. Позарастали стежки-дорожки ко многим домам. Да и коренных жителей все меньше. Все больше...

Чернушевич Василий, старейший житель деревни Хочень

Охотники д. Белев

Морской волк

Маленькая, красивая деревня Хочень, можно сказать, что стоит на самом краю реки Ствиги и заречного леса. «Признаюся і пакаюся перад чытачамі: пару гадоу таму яшчэ збірайся Хачэнь маленькую, прыгожую, схаваную у засені садовых дрэу, акуратную весачку», – пісал в нарысе «Гаспадыня хлебнай ракі», в своей книге «На мяжы» Владимир Гаврилович, сегодня председатель Гомельского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси», член Правления Союза писателей Союзного государства, секретарь Международного союза писателей и деятелей искусств, прозаик, публицист, драматург.

Если стать в центре деревни лицом на север, то туда, через реку Припять, рванула вся молодежь. Кто учиться, кто жениться, кто на лайнере летать, а кто плавать по морям да океанам. Направо пойдешь – до России можно доехать. На-

лево – путь лежит на Запад, в цивилизацию, будь она неладна. Однако все жители деревни тянутся в южном направлении. Там кормилец-лес. Да речка несет свои воды. И если идти и часа три идти, то и на Украину можно пешком добраться. Река Ствига плавно несет свои воды, впадая возле деревни Хвоенск на Млиновице в сестру, реку Припять.

Мой земляк, уроженец родной деревни Евгений вместе со мной «копошится», варим откатные двери, по моей просьбе, в родной деревне. Вяжется разговор в минуту передышки. Зная, что Евгений бывший моряк, спрашиваю его:

– Евгений, а ты Панамский канал проходил?

Он на минуту отрывается от сварки ворот и отвечает мне:

– Проходил, и не только канал! Знаешь, когда работал в Рижском мореходстве, на Балтике, где меня только не носило.

Евгений, как и его отец, мы его звали дядька Валик, шляхетский охотник, помещан на охоте, но часть его жизни была отдана морям и океанам.

– Панамский канал – ну канал как канал, проходил не раз, – рассказывал он, при этом работая сваркой. – Это шикарное место! Просто меня, выросшего в дерене пацана, своим величием это место приводило в дикий восторг. Слушай, расскажу тебе. Канал состоит из соединенных каналами и углубленными руслами рек искусственных озер. Но рассказать – это не совсем правильно, это место нужно видеть. Меня, – рассказывал Евгений, – особо поразили две группы

шлюзов. Наш судно-рефрижератор поднимали на высоту почти 30 метров над уровнем моря. Со стороны Атлантического океана действует трехкамерный шлюз Гатун, со стороны Тихого – двухкамерный Мирафлорес и однокамерный Педро-Мигель. – Он на минуту остановил работу и закурил. – Да... А кораблей «считать не сосчитать», чередой стоят один за другим. Очень долго можно рассказывать! – сказал он, обращаясь ко мне. – Давай лучше про охоту побалакаем. Может, вместе сходим, а?

– Может, еще и сходим, – отвечаю ему. – Да тебя Коля, свояк твой, искал, наверное, тоже что-то замышляет. У всех нас только думка в голове, как вырваться, к Терепшам, к Рыбачей хате, магистральному каналу, перейти Цыганскую греблю да загнать клыкастого или рогача к Дедовой горе. – Смеюсь и говорю напарнику: – Давай закончим работу, потом подумаем.

– Так, не отвлекайся, держи прут, – говорит Евгений голосом «боцмана».

Молчу, помогаю ему и думаю: «Есть хватка у земляка!» Он варит круто, профессионально, только искры летят.

– Вот, сделал, давай проверь, – говорит Евгений, обращаясь ко мне.

Думаю про Женю и восхищаюсь его мастерством. А ведь классно все делает, молодец, золотые руки! Как-то заметил, что к соседке повадились ходить за водой нерадивые люди. И такие есть в моей родной деревне. Все они пришлые. Без

корня! Соседка подошла ко мне, плачет и причитает, и причитает: «Как же мне эти соседи-то надоели, не раз уже колонку ремонтировала, пусть бы поговорил с ними». – «Хорошо», – ответил соседке, на ходу придумал, как решить эту проблему. «Так, Евгений, – говорю ему прямо, – тетка-то пожилая, надо помочь». – «А как помочь-то?» – спросил он. «Да так. Мои финансы, твоя работа. Ты не против?» – обратился к Евгению. «Так не против, сделаю». Сделали, и, слава богу, колонка до сих пор работает, и тетку-соседку никто больше не тревожит. Ладно, что-то опять понесло в сторону.

Дальше о моряке из деревни Хочень. Не очень высокий, скорее щуплый, но жилистый. Видно, что Евгений от кого-то в роду взял польской кровушки. Как посмотрю на его другой раз – ну вылитый шляхтич-охотник с зарисовки художника в одном охотничьем журнале, привезенном мне друзьями из соседней Польши. Только сабли сбоку не хватает. А так – ну полная копия.

Мы сделали перерыв в работе. Женя на минуту остановился, закурил.

– Отдохнем немного, знаешь, расскажу тебе о своих морских буднях. На корабле «Василий Струве», 15 тысяч тонн водоизмещением, моряком ходил и к Южной Америке, ходил и на Урагвай, до Панамы, Аргентины, Колумбии, почти до Магелланова пролива. Да не счесть стран, где был. Три года с Колумбии в Бельгию бананы таскали. А вот к нам в то время в Союз возили больше апельсины, – продолжил го-

ворить моряк. – Когда в Аргентине было открытие фонтанов, нас тоже отпустили с корабля на берег. Знаешь, – обращаясь ко мне, говорил он, – как красиво было: вода шумит, подсветка, музыка, а туристов что селедок в океане – навсегда запомнил. Помню как сейчас! Как шторм нас две недели бросал по океану, как котики и дельфины выпрыгивали по курсу корабля. Судно дает крен на левый бок, лежишь на койке, а в иллюминаторе «океан подсматривает». Снова крен, уже на правый бок, и перед глазами только небо. Сколько раз экватор переходил, уже не считал. Морской болезнью тоже отболел. Там, на экваторе, солнце совсем по-другому светит, а луну, кажется, рукой достать можно. Спасибо боцману Тимошенко – славный мужик. Помогал нам, молодым морякам, во всем: и словом, и делом...

– А что сошел на берег? – спрашиваю Евгения.

– Да женился, дети! По полгода на корабле – сам понимаешь, семья, вот и пошел работать на берег по специальности. Еще раньше закончил школу сварщиков. Да и охота пуще неволи звала меня в родной лес, на реку, в тихие затоны родной реки Ствиги.

Он замолчал на минуту и начал сыпать истории охотничьих приключений на Малой Родине, Полесье:

– Один раз мой свояк и охотник Коля прислал письмо, а там все про его походы на охоту. Сижу в каюте, закрылся, чтобы никто не видел, читаю и плачу. И тогда начал задумываться: «И что тут, на судне, делаю?» Скучно до боли стало

по своей деревне, друзьям, родственникам, а как вспомню про охоту, кажется, птицей улетел бы домой. Так и сошел на берег! Пошел на работу в леспромхоз. Зашел к заму директора, а тот и говорит: «Вряд ли будешь у нас работать! Сварщики приходят в керзовых сапогах, и ватниках. А ты приперся в чем?» – «А что не так?» – спросил начальника. «Джинсы, курточка фирмовая, с иголки одет, да и очки еще нацепил солнцезащитные. Покажи-ка, корочки, где учился?» Показал и говорю ему: «Босс, так у меня нет больше другой одежды, а время покажет, смогу работать или нет».

После этой беседы с большим боссом Евгений проработал 18 лет сварщиком. Ушел на пенсию.

– Разве только 18 лет, Евгений? – спросил земляка. – И сегодня всему району помогаешь, что попросят подварить!

– Да! – отвечает. – Так почему и не помочь хорошим людям.

Мы помолчали, вспомнили ушедших из жизни друзей и знакомых. Погода испортилась окончательно. Зарядил нудный, осенний дождь. Сначала никто из нас не обращал на явление природы никакого внимания. Но с каждой минутой капли становились больше. И дождь зарядил со всей силой.

– Идем в беседку, переждем! Может, и пронесет, – говорю ему.

– Ой нет, смотри, все небо потемнело, прижалось к матушке-земле, словно хочет упасть. Это надолго. Сам посмотри, мы же одной крови – охотники, погоду носом чувствуем.

Хотя в последнее время трудно угадать все ее выкрутасы, – сказал Евгений.

Сидим в беседке, молчим, каждый задумался про свое. И тут бывший моряк стал рассказывать про охоту. – Примерно 10 лет назад мы с Николаем, страстным охотником, тоже в такое время сидели дома, пережидали дождь, а руки аж чесались схватить мотоцикл и свалить в лес, за реку Ствигу. Столько всего повидал на своем веку, – говорит Евгений, которому уже в 2018 году больше за 60. – Но никак не могу забыть один случай, который произошел на охоте глубокой осенью.

Вспоминаю нашу беседу не раз, память у человека не беспредельна. «Лучше записать», – подумал про себя.

– А было так, – стал рассказывать Евгений. – Два друга, Евгений и Николай, поехали порыбачить. Конечно, и заодно посмотреть на озере Круглом, старицах, что весной набухают прибывшей талой от снега и далеких Карпат через реку Горынь водой, переходы выдры. Так как по весне наша река обретает статус еще одного русла. А уж летом вода уходит, бегут кое-где мелкие ручейки, соединяя глубокие места, остаются озера, и так до новой весны. Потом через Ненадовку прорвались лесной дорогой мимо озера Ситного, благо, что поле после уборки картофеля было еще не запахано: перешли журчащий и обмелевший ручей, бегущий с урочища, он несет водичку в озера на Жичполе, и понеслись на мотоцикле на Бор. Там – «копани». Сам же туда тоже ездешь?

– Да, конечно, только больше люблю с братом вместе на осенний сад утки попасть, – отвечаю земляку. – Красота, когда в сумерках криквы и чирки тучей падают на слезинки воды в это место и затаиваются в глубоких траншеях, вырытых бобрами. Не делая облета, без разведки садятся на ночевку. Евгений, это же место, как мы его зовем, на Бору, для всех нас, охотников деревни, фартовое.

– Да, но нас с Николаем привлекают больше кабаны. Но тогда там мы их не нашли. И на поле возле бора, – сказал он, – следов не было. Только одинокий след лося, и то старый, потянулся в сторону «колхозного леса» – к «Подберезе». Правда, тетерева на высоких березах на ветру «гутались» что девушки на качелях, – сказал земляк, при этом улыбнулся. – Осторожные, завидев нас, на выстрел не подпускают, сорвались и понеслись на Верейки.

– Ай, подожди, Женя, лучше меня послушай! Расскажу тебе об озере Щучье!

– Нет, нет, лучше меня послушай! – Евгений перебил мой монолог, ему хотелось быстрее излить душу, не потерять ту «золотую нить» части своей жизни.

Смеясь, все-таки вставляю свои «две копейки», перебивая разговор:

– Да, морского волка больше к воде тянет.

– Да погоди, – смеется Женя, – это же не море!

– Ну и что, хоть ноги замочишь, и то хорошо, – не унимаюсь сам.

– Да, перестань, там же и вода не соленая, – отбивается от меня.

Вижу, что ему так и корпит поведать мне историю своей «страшной» охоты.

– Ладно, слушаю тебя!

– Ну так слушай и не перебивай. Все-таки мы нашли, где ходит выдра. Она выплывала с широкой лозы, что огибают край леса, возле реки. В деревне это место кличут так – Терепши. И по мелким лужицам переходит к речке. На белом песке кругом ее кал, ну ты в курсе, такие кучки, закопанные в песок.

Я молчу.

– Ты же знаешь про эту привычку выдры? – прищурился, как бы проверяя меня, спросил Евгений. – Каждый раз приходит сюда, это ее «туалет», в одно и то же место. Корооче, вылетаем на поле, что возле озера, а там свиньи все порыли, весь мох выдрали. Следы уходили на сенокос деда Козака. Ага, все понятно, быстренько домой, взяли лицензию. Чуть дождались вечера. Патронов-то много не было, особо купить не могли – брали порох, лили сами картечь и пули. Так, у Николая было всего два патрона, заряженные картечью. Кстати, это его привычка...

На миг перестаю слышать Евгения. Вспоминаю Николая, нашего земляка. Высокий и крепкий парень был. Заядлый охотник и рыбак. Зимним днем сидели на притоке замершей реки и ловили окуней, то клев окуня у этого рыбака все-

гда был отменный. И мы все старались просверлить лунке поближе. Он собирался, отходил немного в сторону от нас, сверлил новую лунку и опять клевал окунь. А у нас был полный штиль. Не раз мы с ним ходили пешком к деревне Бережцы на ловлю окуня. А вот охотились редко. Но ладно. Опять слушаю.

А Евгений разошелся не на шутку.

– Когда мы разобрались с ночной вылазкой стада кабанов, то стало все понятно, – сказал земляк. – Вечером надо ехать на охоту. Поехали каждый на своем мотоцикле. Только сгустились сумерки, мы были на месте. Ветерок на ночь тоже решил уснуть. Стояла мертвая тишина. Любой хруст ветки под ногой раскатывался по округе, пугая зайцев, вышедших на ночную жировку... Николай, продираясь сквозь лозовый куст, зацепился за лозину, зацепил и фару и разбил ее в пух. Мы остались без света. «Ну все, финита ля комедия», – вырвалось у Николая. «Что, уток испугался?» – поддел я его. «Ты бы тоже испугался, когда у тебя из-под ног сорвалась с травы кряква, – тихо шепнул он. – Не балуй! Тихо, как будем охотиться?» Я сказал: «Останусь у озера». – «Тогда ладно, а сам почешу к лесу». И Николай скрылся в темноте. Ночь накрыла нас своим покрывалом. Луну на небе спрятали тучи. «Да, хоть глаз выколи, – подумал про себя я. – Мне-то у озера в засаде еще кое-как. А вот как Николай?» Сам сижу один, сам «ворон считаю». Минута бежала за минутой, и я вспомнил свой корабль и сразу же, словно наяву, услышал плеск

волн океана, увидел строящуюся электростанцию на берегу Парагвая, которую возводили русские атомщики. Перед глазами поплыли контейнеры, один за другим, это шла погрузка мясных туш, которыми правительство рассчиталось за строительство атомной станции. Вспомнил, как мне нравились длинные переходы, долгие рейсы, длительные стоянки. Как гуляли на берегу с друзьями – моряками, особенно если порт интересный... Это сонное состояние охотника «в дробадан» выбил резкий стрел. Я тут же вскочил с кочки, на которой сидел.

Кабаны ко мне не подошли, даже носа не показали. А вот на Николая кабаны вышли в ноги. Охотник выстрелил картечью по свинье. Один раз, потом второй, патроны кончились. Стадо сигануло в разные стороны. Только свинья захрипела и, как показалось Николаю в полной темноте, стала приближаться к его ногам, – рассказывал мне земляк. – В то время я сам, – сказал он, – рванул в сторону выстрела, подсвечивая себе под ноги маленьким фонариком, разве что годным время на часах посмотреть. Вдруг раздался крик! Ну точно с ума сошедшего человека, такой хрип, ого-го! «Женя, неси патроны, свинья кидается, спасай меня!»

Прибежал и спрашиваю Колю: «Так ты попал?» – «Да попал, да видно, ружьишко сплеховало, живит», – пытается он оправдаться за несмертельный выстрел. А сам дрожит, руки ходуном ходят, патроны никак не может вставить в ствол. «Непростительно тебе, Коля, после двух выстрелов не поло-

жить дичь на месте». – «Да тихо ты, Женя...» И Коля стал жаловаться на старый порох и слабый заряд. «Внимательно! Слышишь, какой-то шорох». Женя посветил чуть светящим фонариком. И точно! Свинья стоит за небольшой долилкой. И нас, охотников, разделяет только слабо бегущий из леса в реку ручей. Тут хавронья влезла в долину, в грязь и тихо стала приближаться. И нас уже обоих схватил «трасун». Ночь, тишина, и какое-то «булькание» и «чвакание», все ближе и ближе.

Коля говорит: «Выключи, Женя, свой «лихтарик», а то на свет идет». – «Нет, не буду, так хоть силуэт вижу», – ответил ему. «Вон свинья уже через долилку перешла, не шурши травой, а то точно на шорох идет», – сказал охотник. «Стреляй, Коля», – шепнул я. А сам держу силуэт зверя на световой дорожке.

Тут свинья выходит что гора из лужи: вся в грязи и кажется еще больше, чем есть на самом деле. Бабах – выстрел разорвал на миг ночную темноту. Охотник стрелял дымным порохом. А после выстрела всегда большое облако дыма. Так было и сейчас. Кинул тогда я, брат, ружье, схватил в руку нож, готовый биться врукопашную, – сказал мне Евгений. – Вдруг из облака дыма после выстрела вижу голову, какой-то немыслимый круг окровавленной пены. Я даже забыл, что у меня тоже есть ружье в руках. Застыл что истукан. Полный ступор. Фонарик полетел на землю.

И у меня случился полный провал сознания на какой-то

миг. Потом Николай про эти секунды мне рассказал. «Ты так кричал, я-то думал, все, свинья тебя точно резанула. И вытянулся в струнку во весь рост так, словно уж на крик, но взлететь собирался», – смеялся Коля надо мной. «Да не может такого быть, не помню, – ответил ему, – ты меня, наверное, понимаешь? А этого крика не помню!» Постепенно шок прошел, свиньи нигде не слышно. Стоим! Я пошел к ручью промыть лицо. Сам был горячий что раскаленные жернова в кузнице. Посмотрел, оторопь взяла меня, когда я увидел пену на «штанах» – окровавленную, и дрожь пошла по всему телу. Сантиметр был от ноги...

Еще Леонид Павлович Сабанеев, рыбак, охотник и ученый, которому в этом году 10 декабря исполняется 174 года, в своем «Охотничьем календаре» писал: «Никогда не следует стрелять кабана, ежели он выбегает прямо на охотника (т. е. на штык). Нужно стараться, отскочив в сторону, пропустить его». Но наука одно, а практика – другое, не всегда получается следовать прописной истине. Так и сейчас поступили охотники, времени выждать удобного момента для выстрела не было.

Евгений продолжал:

– Мы с Николаем немного успокоились. И стали слушать ночные шорохи. К нам вернулась смелость, да и охотничий опыт не пропьешь! «Что же, бывают неудачи, и кого как не охотников, их больше всего», – начали утешать один другого. «Это не беда, что свинья убежала, думаю, что далеко

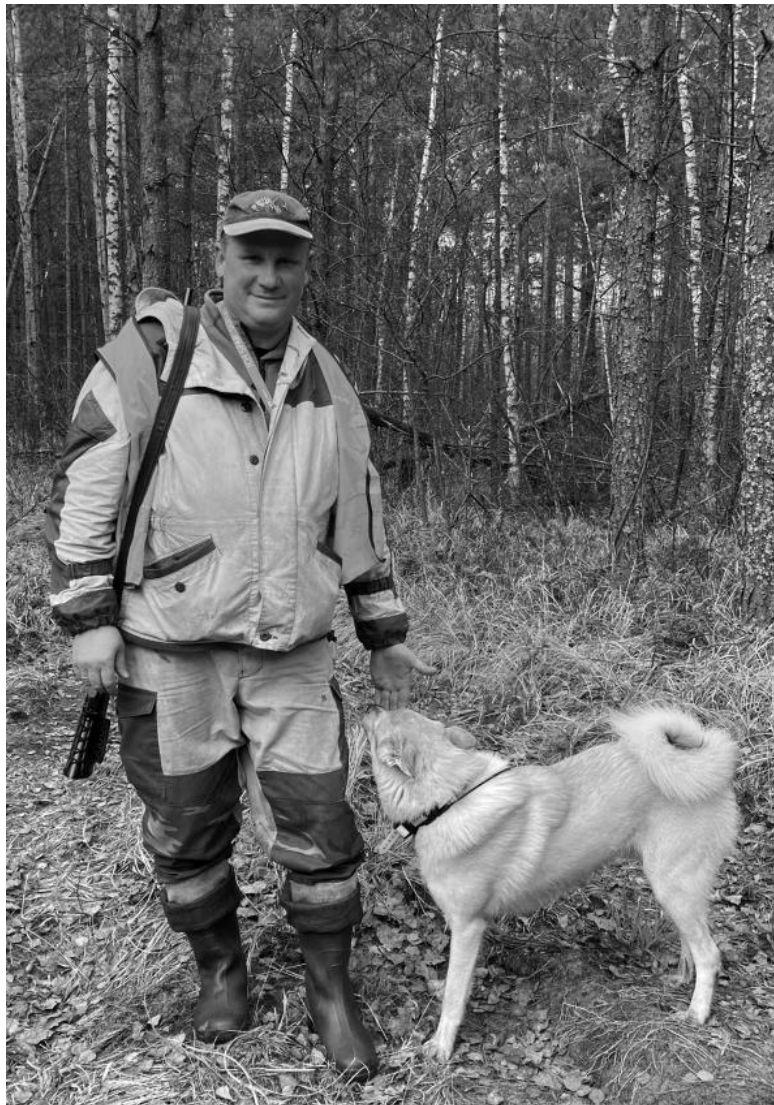
она не уйдет. С кровью кабан теряет силы, не найдем сейчас, то утром точно, – с неожиданной уверенностью сказал Коля. – Видел, пена на голове: это пробиты легкие. Да и третий раз стрелял, видно, что точно попал. Ночь ее не спасет. Хотя шанс есть».

Темные облака в подсвете лунного ожерелья мешали нам, луна никак не могла их пробить. Только ближе к полуночи задул восточный тихий ветерок, лаская наши лица. Я взял за плечо напарника: «Слышишь, какой-то гул, или стон, словно с подземелья». Приложили ухо к земле. Где это? Мы стояли возле ольхового куста, а перед нами дорога от колеи тракторов, что ездили на поля, возили органику. Разбили дорогу так, что колеи были на некоторых участках дороги до метра. Широкие и глубокие. Вдруг опять раздался звук, словно из-под земли. Какой-то ужас опять охватил нас. А патронов-то больше нет. Сломали толстый сук ольхи, в руках Коли нож... и метров тридцать тихонько двинулись на звук. Подойдем, постоим, послушаем. «Опять, слышишь?» – «Давай, вперед идем!» И, подбадривая один другого, идем на звук. Стало на минуту тихо, и опять слышим: какой-то протяжный звук «у-у-у» прямо у ног. «Женя, да включи свой «никудашный» фонарик хоть на секунду!» Прямо у наших ног, в глубокой колее, лежал наш трофей. Хавронья упала в глубокую колею от трактора, и тут ее силы покинули. Осенний дождь монотонно мелкой и густой, словно мокрой, пеленой продолжал сыпать, и в этот день, а скорее, уже наступал вечер, мы по-

няли, что доварить ворота нам не удастся. – Морской волк Евгений сказал мне: – Я никогда не забуду эту охоту! Столько миль на судне проплавал, в шторм попадали, но такого момента в жизни, чтобы сам кричал от страха, да еще и не помнил, у меня в жизни не было. А раз не помню, что кричал, пусть мне Николай и подтверждает этот случай. Значит, нет, не кричал! А вот когда он сам по полю «драпал и орал», точно помню, – опять рассмеялся Евгений.

Любые невзгоды и лишения не сломают человека, пока ему в жизни помогает природа нашего Полесья, нашей Малой Родины! Разные судьбы у моих земляков, но всех нас держат за руку воспоминания, прошлое. А зная наше прошлое, нашим детям и внукам будет, что вспомнить о шляхетских охотниках. И правильно выбирать свою дорогу в жизни!

Охотник Баранец Владимир

Разве мудрость – порок?

Мелькает дорога, перелески, поля, луга, мосты, ровно гудит мотор машины, вот и двухполоска за поворотом, и вдали, передо мной, замаячил город нефтяников Речица. Скоро река Днепр. И меня волнует встреча с замечательным человеком, директором ПСК-50 лет Октября Речицкого района. Встречаемся мы в основном по работе. Но в этот раз спрашиваю про подаренную ему первую мою книгу «Охотничьи тропы». Отзыв этого Человека с большой буквы мне очень нужен. Это – Григорий Куприянович Шпаков! С ним меня свела судьба. А слышать его мысли – это в радость.

Как-то раз он мне сказал:

– Вот прочитал уже половину твоей книги. Довольно хорошо все описано. И вспомнил себя в молодости. Разбередил мне душу, приезжай, еще пару случаев, которые со мной произошли именно на охоте, тебе расскажу.

– Как, и разве вы тоже охотник?! Никогда об охоте и не вспоминали.

– Да всю жизнь охотник, – отвечает дед Шпаков, так по-доброму его зовут коллеги. Смеется, а глаза-то хорошие, с хитринкой. – Да везде охотник был!

И на море, на воде, ракетами стрелял, и под водой «акул натовских» выслеживал! Да и в хозяйстве нужен глаз да глаз, а то без штанов останешься! – Так что, в деревне Леваши уже пятьдесят лет охочусь, – сказал он, намекая на свою трудовую деятельность на посту председателя колхоза. – И, как всегда, хлебосольный человек спрашивает меня: – Ты кушал сегодня, или нет? Зайди на минуту ко мне домой. У меня суп гороховый в печке томится. Ты с водителем, или сам? По чарочке возьмем?

– Конечно, возьмем, – отвечаю ему.

«Нельзя отказываться», – думаю про себя. Леваши! Тихая деревня на берегу Днепра, передовой сельскохозяйственный кооператив, в котором трудятся и живут 250 работников. Ум, честь и совесть этого несломленного в наше время коллектива – его председатель Шпаков Григорий Куприянович. Вот уже 50 лет он у руля. И в 2018 году ему стукнуло 82 года. Мне всегда приятно по службе, проезжая по Гомельской трассе, завернуть на минуточку к деду Шпаку. Как местные рассказывают при встрече с ним: «С дедом поговорить – ума набраться!» И точно! В свои годы у деда Григория трезвый и аналитический ум. Он владеет обстановкой не только в хо-

зяйстве, но на пульсе держит, все вопросы.

– Знаешь, как построил сарай для скота? – с легкой улыбкой рассказывает председатель. – Возле магазина провел встречу с мужиками, у которых не было постоянного места работы. Купил им 20 тачек и лопат, нашел на железной дороге списанный щебень. По взаимозачету, за два месяца все забетонировали. Разве можно строить животным «дворцы» и закапывать туда все доходы хозяйств? А потом эти бетонные хоромы тянут соки. Вот тебе и вся экономика! А мне нужно сделать, чтобы работники коллектива богаче жили, и сделаю так! В ближайшее время будет оплата труда в 50 лет ПСК еще выше. Ты знаешь, что наказ нашего «батьки» по достойной оплате труда давно исполнил, – обращаясь ко мне, сказал дед Григорий. – Так, с района приезжала проверка, спрашивали у меня, – рассказывает он, – мол, почему такая высокая оплата в хозяйстве? И так понятно, заработали – получили! Мол, претендент в районе. Так кто кому не дает так работать? Учитесь, всегда помогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.